

ИТАЛИЙСКИЕ ГОРОЖАНЕ I в. н. э.

(Муниципальная знать и отпущенники)

Население италийского города по своему социальному составу было довольно однообразно: если исключить рабов, то это люди, свободные от рождения, и отпущенники. В экономическом отношении они располагаются по шкале не очень длинной — нищета, некоторая зажиточность, прочный достаток, богатство. По этим ступеням размещаются, более или менее одинаково, и свободнорожденные и отпущенники. Сведения наши об этих людях прямо пропорциональны их имущественному положению: мы почти ничего не знаем о бедняках (*populus, plebs*); кое-что знаем о людях состоятельных; эпиграфика и археология довольно щедро снабжают нас сведениями о богатой городской знати и о богатых отпущенниках. Начнем с первой. Что представляли собой эти люди? Как относились они к своему городу?

Италиец любил свой город, и в этом чувстве объединялись, вероятно, очень разные слои, с младенчества «привыкшие любить родную землю» (Plin., Ep. IV, 13, 9). Помочь, однако, городу, украсить его, облегчить его нужды могли, конечно, только люди со средствами. И они скоры и щедры на помощь «своей республике», которая для них «словно мать или дочь» (там же, § 5) — они не пожалеют для нее ни денег, ни труда. Что их щедрость и забота подсказаны, между прочим, и тщеславием, в этом можно не сомневаться — человек остается человеком, но именно поэтому имеет он право и на то, чтобы его не считали лишь низким животным, которое послушно только низким побуждениям.

Что было источником этой преданности городу? Юноша из аристократической римской семьи связывал историю родной страны с историей своего рода: отец, мать, старший брат повествовали ему о деяниях его предков; иллюстрацией к рассказу служили их маски, стоявшие тут же в атриум. Можно не сомневаться, что помпейские Потидии и Голконии или пренестинские Аниции и Ордевии, чьи роды с незапамятных времен были связаны с городом, знали его историю и роль, какую в этой истории сыграли их предки. Для них родной город и родной дом сливаются в одно, и как естественно хотеть, чтобы родной дом был украшен, прочен и уютен, чтобы в доме вокруг были довольные лица, так естественно и желание украсить родной город и доставить удовольствие его жителям, землякам, милым уже потому, что они земляки. В благодарственных надписях, сообщающих о том, что такой-то почтен от города в благодарность за оказанные городу благодеяния, перечень его щедрот начинается любопытной фразой: «за его доброжелательность по отношению ко всем и каждому»; представитель городской аристократии, потомок длинного ряда предков, служивших этому городу советом и делом, он чувствовал себя их наследником: по доброй воле и по голосу сердца он поднимал на свои плечи завещанное ему, для него дорогое бремя: служить родному городу в целом и быть помощником каждому его уроженцу.

Мы можем составить себе некоторое представление об этих людях — и по надписям, и по развалинам Помпей и Геркуланума — только в этих маленьких, ничем не примечательных городках оказалось возможным восстановить ряд частных домов с их утварью и росписью. Они свидетельствуют о том, что их обитатели владели большими средствами и были людьми с хорошим образованием и тонким вкусом. Землевладельцы и виноделы, крупные промышленники и торговцы, они изъездили все Средиземноморье и бывали далеко на Востоке, может быть, даже в Аравии и

Сирии¹. Они вели дела с людьми разных национальностей и разного общественного положения. У них большой житейский и деловой опыт; это не провинциальные медведи, которые дальше своего угла ничего не видели и только его и знают. Многие из них начинали свой жизненный путь с военной службы, вступая в нее в должности префекта фабров, т. е. адъютанта при командующем войском, которого тот выбирает себе по собственному усмотрению: у этих людей были, очевидно, знакомства и связи в высоких римских кругах. Некоторые остаются в армии, продолжая службу уже в звании военных трибунов, другие оставляют ее, не продвинувшись выше префекта фабров и не желая, видимо, продвигаться дальше — но все или возвращаются в свой родной город или не теряют с ним крепкой и постоянной связи.

Вспомним Плиния Младшего: консул, свой человек Траяну, он неизменно навещает свое глухое Комо, заботится об открытии риторской школы, об устройстве городской библиотеки. В среде городской аристократии складываются «муниципальные династии»: в Помпеях — члены семей Голкониев, Лукрециев, Куспиев Пансов занимали по несколько раз высшие магистратуры (CIL, X, стр. 94); в Калах из семьи Поллионов вышло два кваттуорвира (CIL, X, 4648, 4650); в Путеолах — Грании удерживают место в городском совете в течение трех столетий (CIL, X, 1781: 103 г. до н. э.; Plut., Sulla: время Суллы; CIL, X, 1782 и 1783: I в. н. э.). Эти люди обязаны заботиться о городе, они его официальные хозяева и слуги. В Помпеях дуовиры братья Голконии отремонтировали и увеличили «на свои деньги» городской театр (CIL, X, 833, 834); дуовиры Авианий Флакк и Спедий Фирм тоже «на свои деньги» замостили улицу, пересекавшую почти половину Помпей (CIL, X, 1067); Аллей Нигидий Майй, квинквеннал, четырежды «давал гладиаторов» (CIL, IV, 799); в Ланувии главный магистрат города производит на собственный счет ремонт бань, мужской и женской (CIL, XIV, 2121); в Грументе два эдила воздвигли на свои средства вокруг города стену длиной почти в 2 км (CIL, X, 220 — начало I в. до н. э.). Частные лица не отстают от магистратов: и у них то же хозяйское чувство по отношению к городу и сознание своего долга перед ним. В Бононии Г. Авилий завещал 400 тысяч сестерций городу, чтобы на проценты с этой суммы «на веки вечные (perpetuo) мылись бесплатно мужчины и дети обоего пола» (CIL, XI, 720); в маленьком луканском Тегеане два человека отстроили башню на стене (CIL, X, 291); в Путеолах Л. Маммий Максим соорудил «на свои деньги» прекрасный рынок и по случаю его открытия дал обед всему населению (CIL, X, 1450).

До нас дошла одна надпись, в какой-то степени раскрывающая чувство, которое побуждает человека служить родному городу. В Ноле, маленьком кампанском городке, городской совет поручил эдилу Гаю Катию² «выровнять поле» — не «замостить» (sternendum), как были замощены улицы Нолы, а именно «сравнять» (aequandum) какое-то пространство, сгладить кочки и засыпать рытвины. Совет, видимо, хотел устроить в Ноле свое Марсово Поле; говоря современным языком, площадку, где молодежь

¹ Помпейские Лассии и Порции торговали с Галлией, Эпидии — с Истрией, Лукреции — с Египтом, Лоллии — с Делосом (см. P. Etienne, *La vie quotidienne à Pompéi*, P., 1966, стр. 196—174 и прим. к ним). Путеоланские Грании вели энергичную торговлю с Востоком (J. Hatzfeld, *Les italiens résidents à Delos*, BCH, 36, 1912, стр. 143 сл.). Путеоланец Савфей Араб, торговавший ароматами, получил свое прозвище, может быть, за путешествия в далекую, неведомую Аравию (X, 2935). Весторий, создавший в Путеолах производство красок, в Александрии ознакомился с их изготовлением (Vitg., VII, 11, 7).

² В надписи Катий назван кваттуорвиром. Титул этот в ноланских надписях нигде больше не встречается, и Моммзен, по аналогии с Помпеями, считает, что в данном случае он обозначает эдила (CIL, X, стр. 142).

могла бы заниматься всякими играми и гимнастическими упражнениями. Деньги на это совет отпустил, но Катий, «выровняв поле», занялся, уже на собственные средства, его устройством: обвел глинобитной стеной, устроил тротуары, поставил по ним скамьи красивой полукруглой формы и соорудил солнечные часы. Все это сделано «гению города и в честь горожан: пусть во веки веков на здоровье пользуются» (*feliciter perpetuo utantur* — X, 1236). Для Катия его город — живое существо, одушевленное божественной силой; его жители — и его современники и все будущие поколения — единая, вечно обновляющаяся семья, членом которой является и он; его труд для города — вклад в достояние этой вечно существующей семьи. Восприятие земляков-горожан как одной обширной семьи характерно для этих людей. Они и радоваться не умеют в одиночку, в своем доме, в тесном кругу только семьи и близких друзей — они приглашают разделить свою радость весь город. Сын достиг совершеннолетия — в семье большой праздник, и отец созывает на этот праздник весь горд: на форуме расставляют столы, на них горами наваливают разное угощение; избранный магистрат в благодарность за то, что его почтили честью магистратуры, устраивает для города всевозможные зрелища — и здесь говорит не только тщеславие — оно, конечно, есть, — но и искреннее желание радоваться не одному, а порадовать всех своей радостью. Тома надписей изобилуют такими примерами.

Перейдем к отпущенникам.

Отпущенник интересовал и тревожил свободнорожденного римского гражданина. Он встречался с ним ежедневно и на каждом шагу: торговля и ремесленная деятельность во всех ее отраслях находится в руках отпущенника; отпущенник управляет его имением, учит его детей, он его секретарь и домашний врач. Без отпущенника и его деятельности установится вся жизнь; его богатство вошло в поговорку: *libertinas opes* (Mart., V, 13, 6); «имущество и душа отпущенника» (Seneca, Ep., 27, 5). А так ли давно этот человек стоял на невольничьем рынке, и покупатель щупал его мускулы и приценивался к нему, как к домашней скотине. Как случилось, что на Вилле Мистерий вместо представителей старинного помпейского рода Истацидиев хозяйничает их отпущенник Зосим? Почему ряд помпейских особняков перешел в руки отпущенников, которые превратили их прелестные садики и перистили в мастерские и лавки? Почему хозяина промышленного предприятия теснят конкуренты — его отпущенники, в его же официине обучившиеся всем хитростям и тонкостям дела?

Задумывался ли кто-либо из современников над этими вопросами? Судя по литературе (Марциал, Ювенал, Петроний), нашему главному источнику, знакомящему с отпущенником, отпущенник больше служил поводом для издевательств, чем для размышления. Надо, правда, сделать некоторую оговорку для Петрония; и для него, острого и внимательного художника, Трималхион интересен как комическая фигура, но Петроний провел перед читателем ряд отпущенников среднего уровня, более, конечно, обычного, чем редкие богачи, и показал, без издевки, в связи с их бытом и внутренний их склад. Римское общество на всех этих лавочников и хозяев мастерских не обращало внимания, они слишком примелькались. Внимание, естественно, задерживалось на «безродных баловнях счастья», на их необычной биографии и сказочном богатстве. Их и обливал Марциал «злостью мрачных эпиграмм», причем злость эта у него, клиента, была вызвана простой завистью, причем даже не личной (ему самому, как клиенту, жилось вовсе неплохо), а корпоративной: «потомок Ромула» ходит в тоге, которая была стираема уже раза четыре (X, 11, 6) и приобрела, наконец, такой вид, что соломенное чучело, изорванное рогами быка, кажется более цельным (II, 43, 5—6), а вчерашний раб, заклеивший

мушками свой клейменный лоб, сидит в первых рядах театра «в тоге белее девственного снега» и в пурпурной лацерне (II, 29, 3—4); стол отпущенника уставлен изысканными кушаньями, и он оделяет отборными кусками собак и рабов (II, 82), а «побледневший от голода» клиент (III, 82, 12) должен изворачиваться, чтобы на жалкие подачки патрона купить «капусты и дров» и что-то еще выделить на тогу, башмаки и хлеб (Juv., I, 119, 134). Марциал жалел своих «изголодавшихся друзей» (III, 7, 4), и его жалость оборачивалась негодованием на этого сытого благополучного человека, который, по мнению большинства, не имел права ни на сытость, ни на благополучие. Марциал не устает напоминать читателю, что за неприглядное существо этот отпущенник. Подметить его отрицательные черты было нетрудно: они бросались в глаза. У отпущенника нет чувства меры, нет вкуса: если он надушился, то уж так, чтобы благоухать на весь театр (II, 29); если заказал себе кольца, то они весом с ножные колодки (XI, 37). Богатство ему внове, и он глупо хвастлив: притворится больным, чтобы показать, какое у него роскошное одеяло, какие наволочки на подушках (II, 16); за обедом одиннадцать раз переоденется (V, 79) — пусть видят, что у него одиннадцать перемен дорогой пестрой одежды (*synthesis*), надеваемой только к столу. Обед у Трималхиона сплошь приправлен безвкусыми и хвастливыми выдумками. Отпущенник пренебрегает элементарными правилами общения, у него нет уважения к окружающим. Трималхион в присутствии гостей заводит безобразнейшую ссору с женой; один из его застольников осыпает другого дождем виртуозной ругани — к удовольствию хозяина: отпущенник невоспитан и груб. Петроний и Марциал согласно отметили эти качества, только Петроний весело и добродушно, а Марциал — негодуя и злясь.

Он, впрочем, не всегда злился и негодовал, бывали у него минуты, когда он спокойно размышлял об отпущеннике. Свои наблюдения он суммировал в характеристике, которую стоит привести целиком.

Поэт не идет к патрону на утренний прием, а посылает вместо себя отпущенника. Патрон недоволен: «это не то же самое» (*non est, inquis, idem*) — «Я докажу тебе, что это гораздо большее (*multo plus esse probabo*) ... Я едва поспеваю за твоими носилками — он их понесет. Ты попадешь в толпу: он всех растолкает локтями, я и слаб и воспитан (*invalidum est nobis ingenuumque latus*). Ты что-нибудь станешь рассказывать — я промолчу, он трижды промычит „великолепно“. Завяжется ссора — он станет ругаться во весь голос, мне совестно произносить крепкое слово» (III, 46).

Характеристика эта существенно важна. Она отмечает физическую силу и здоровье отпущенника — качества в жизни немаловажные, а затем оказывается, что знакомые уже нам черты: грубость, сварливость, отсутствие внимания к окружающим присущи отпущеннику; это его типические черты, они отнюдь не привнесены богатством, которое их только увеличило и обострило. А способность не замечать окружающих людей: отпущенник *cunctos umbone repellat* — «всех растолкает локтями»; когда ему нужно дойти до своей цели, он ничего, кроме нее и себя, не видит; в чей бок или глаз попадет его локоть, ему безразлично. Не с таким ли жестоким напором, с каким он прокладывает дорогу в узких римских улицах, будет он прокладывать и свою жизненную дорогу?

Петроний в характеристике, которую один из сотрапезников Трималхиона дает своему умершему знакомому, тоже отпущеннику, Хрисанфу, совпадает с Марциалом. Как и отпущенник Марциала, Хрисанф здоров и крепок: умер 70 с лишним лет, а был «как из рога» (*corneolus*), такой же, как и тот ругатель: «не человек, а сплошная свара» (*discordia, non homo*). Но есть и черта, которая внове — печестен: «получил наследство и накрал

из него больше, чем было ему оставлено» (*hereditatem accepit, ex qua plus involavit, quam illi relictum est — Petr., 43*).

Обе характеристики отнюдь не писательская выдумка: они подтверждены документом официальным: уставом Ланувийской погребальной коллегии (CIL, XIV, 2412), контингент которой составляли главным образом рабы и отпущенники. Авторам этого устава приходилось учитывать и обуздывать в членах своей коллегии те самые черты, которые отмечены и Марциалом и Петронием; склонны к ссорам и перебранке (*quis in obprobrium alter alterius dixerit...*); нечестны; как Хрисанф, готовы стянуть, что не положено: утаить для себя что-либо из суммы, выданной на похороны их сочлена; получить деньги на проводы умершего и улизнуть с дороги; тоже видят только себя и вовсе не обращают внимания на окружающих.

В этой характеристике есть существенный недостаток: она односторонняя по самому заданию своему: авторам Ланувийского устава надо было бороться с тем, что было плохого в членах их коллегии; Марциал и Петроний отнюдь не ставили себе целью разыскивать в отпущеннике положительные черты. А они были: эпитафии знакомят нас с людьми, которых не заметило ни аристократическое высокомерие Петрония, ни ядовитое веселье Марциала. Пусть эти надписи преувеличенно хвалебны, но они говорят о том нравственном облике, который был дорог отпущеннику: жалостливый, добрый человек, честный работник, хороший семьянин и верный друг³. Не забудем, что большинство мало- и среднезажиточных отпущенников были членами коллегий, а коллегии были удивительным училищем порядочности, облагораживающей внутренней дисциплины⁴.

Среди положительных качеств отпущенника не на последнем месте стоит его стойкое трудолюбие и мужественный отпор беде и неудаче. Эти качества «вывели в люди» отпущенника; он был действительно человеком, который «сам себя сделал». Представим себе его жизнь: грубо вырванный из родной почвы, лишившийся родины, семьи, состояния, низведенный на уровень домашнего животного, он возвращает себе и право на человеческую жизнь, и домашний очаг, и состояние — возвращает «своим трудом и настойчивостью», как сообщает отпущенник Модест (*instantia et laboribus suis — CIL, X, 2403*); он начал с пустого места (*de nihilo crevit; ab asse crevit — Petr., 38; 43*); за любой надписью, сообщает ли отпущенник, что он заказал «из своих средств» (*de suo*) надгробную плиту родственнику или другу, поставил статую такому-то божеству, или отремонтировал за свой счет схолу своей коллегии, стоят годы упорного терпеливого труда, неослабного напряжения и физических и умственных сил: «с юности напрягался я, чтобы иметь чем пользоваться», говорит отпущенник Синерот (*iuvenis tetendi ut haberem, quod uterer, CE, 83*); стоит уметь использовать хозяйственную обстановку⁵ и жадная погоня за деньгами: «готов был грош из навоза зубами выгрызть» (*paratus fuit quadrantum stercore mordicus tollere — Petr., 43*). Состояние сколачивалось всякими путями — чистыми и нечистыми: вспомним Петрониева Хрисанфа и членов Ланувийской коллегии. И когда отпущенник добился своего и крепко стал на ноги, ему естественно почувствовать и удовлетворение, и гордость собой. Петроний превосходно понял эти чувства: от-

³ См., например, VI, 9292, 9545; XIV, 2605; IX, 2128.

⁴ Подробнее о воспитательном значении коллегий см. в моем сообщении «Из жизни итальянских коллегий» (ВДИ, 1973, № 4).

⁵ Отпущенник Койран объединил продажу железных изделий с виноторговлей. Живя в Путеолах, которые были расположены среди виноградников и были в то же время центром изготовления железного товара, он стал развозить по виноградникам сельскохозяйственные орудия; тут же на месте закунал вино и торговал им в Путеолах (CIL, X, 1934); Тримальхион учел, когда продажа вина будет выгодна (Petr., 76).

пущенник Гермерот рассказывает о своем нынешнем положении: «Земли-цы купил, денегат собрал, двадцать животов кормлю и собаку, сожитель-ницу свою выкупил» (*glebulas emi, lamellulas paravi, viginti ventres pasco, et canem, contubernalem meam redemi* — Petr., 57). Он пользуется уважением и доверием людей: «надеюсь, живу так, что никто надо мной не посмеется... никому гроша медного не должен, под судом никогда не был» (*spero me sic vivere ut nemini iocus sim... assem aerarium nemini debeo, constitutum habui nunquam* — там же); «пойдем на форум сделать заем. Узнаешь, что этому железу (отпущенник носит железное кольцо, на золотое не имеет права. — М. С.) доверяют» (*eamus in forum et pecunias mutuemur: iam scies hoc ferrum fidem habere*, — Petr., 59). Есть как будто все, чего хотел и добивался: и достаток, и свой очаг, и уважительное признание в деловых кругах, где он привык вращаться. Есть ли родина? Иными словами, осталась для него Италия чужой страной, куда его закинула слепая судьба и где ему все чуждо, где кроме себя и собственного благополучия ничто не мило и не дорого? Или можно утверждать, что случилось наоборот: чужак и пришелец, он прижился в новой стране и полюбил ее; он горячо хочет, чтобы она стала ему настоящей родиной, признала его своим, усыновила его. Он должен был волей-неволей усвоить ее язык и очень скоро этот язык занял для него место родного: все эти чужеземцы пользуются для своих эпитафий латынью. Добровольно, без необходимости и принуждения, они отказываются от родной речи; они по языку уже свои для итальянцев. И литература I в. н. э., и современные исследователи до такой степени привыкли видеть в отпущенниках только коммерсантов, ремесленников и торговцев, что не заметили их стремления «осесть на земле». Петроний, правда, отметил с присущей ему остротой наблюдения этот факт, но вскользь, мимоходом: Трималхион, разбогатева, сразу же выкупил имения, принадлежавшие его хозяину (Petr., 76)⁶. Гермерот, отпущенник, человек со средствами, но не богат, покупку «землицы» ставит на первое место (там же, 57). Отпущенник Эгиал, «рачительнейший хозяин», владел землей в Кампании (Seneca, Ep., 86, 14; Plin., HN, XIV, 49); у Ацилия Сфенела виноградник под Номентом (Plin., loc. cit.). Отец поэта Горация был *macro pauper agello* (Sat., I, 6, 71). Приобрести землю — значило накрепко связать себя с Италией, укорениться в ней; свой кусок земли становится как бы символом вращающегося чужака в новую почву. Город, где отпущенник прижился, он называет «родиной» (*patria*), он ему дорог, он радеет о нем. «Полезен нашему городу и любит его» — так характеризует совет маленького городка Кастромена отпущенника Монима (CIL, XIV, 2466); городской совет в Калах благодарит отпущенника «за усердие и доброжелательность к общему родному городу» (*erga communem patriam* — CIL, X, 4643). В Пuteолах «совет и граждане» ставят отпущеннику почетную надпись (а может быть и статую) «за любовь к родному городу (*patria*) и энергичную деятельность в его пользу» (X, 1727). Эта усердная деятельность засвидетельствована сотнями надписей: тут и деньги на продовольствие бедным гражданам, и ремонт храмов, и вымостка улиц, и устройство гладиаторских игр, и даровое мытье в банях. Во всем этом есть, конечно, и желание прихвастнуть и покрасоваться собой, но ошибкой будет видеть здесь только голое и пустое тщеславие. Отпущенник искренне стремится стать своим в этом городе, куда его привели, может быть, на веревке, как собаку, и где прошла вся его жизнь — от горьких лет рабства до того момента,

⁶ Трималхион толковый хозяин; он вывел хорошую породу овец, завел медоносных пчел (Petr., 38). Эти подробности столь не вязались с его карикатурным образом, что Петроний сознательно на них не остановился.

когда благодеяния, оказанные им, поставили его в один ряд с исконной муниципальной знатью. Он вошел в общую жизнь города, он знает его нужды, болеет его печалью. Можно не сомневаться в том, что «свой город» (*patria*) он любит всем сердцем.

Основную массу отпущенников составляли, однако, не эти богатые люди, которые могли благотворить городу, а ремесленники и торговцы, народ более или менее зажиточный, хозяева небольших мастерских и лавок, владельцы маленьких домиков и очень скромных земельных участков. Отстраивать «от земли» рухнувшие храмы и давать гладиаторские игры им не под силу, но их деятельность обеспечивает городу нормальное существование: они ткачи и портные, хлебники и мясники, столяры и плотники. И для них город, в котором и свой очаг, и семья, и прибыльная работа, стал, конечно, родным — *patria*. «Лучше моего родного города (*patria*) не было бы на свете...» (Petr., 45), говорит один из таких отпущенников. Но стал ли отпущенник своим и родным для коренного итальянского населения?

Город признавал благодеяния, оказанные ему отпущенником, благодарил за них, сочинял для него почетные декреты и даже ставил ему статуи. Судя по надписям, между свободнорожденными и отпущенниками нередко возникали добрые дружеские связи. Отпущенники, торговцы и ремесленники, естественно входили в среду итальянского рабочего населения: одинаковый быт, общие интересы, один и тот же уровень культуры — все объединяло, все опрокидывало национальные и общественные перегородки, существовавшие скорее в сознании, чем в реальной жизни. Были другие, юридические, непреклонно стоявшие между свободнорожденным и отпущенником — будет ли он первым богачом в городе или незаметным продавцом глиняной посуды — и напоминавшие ему, что он вчерашний раб и от своего рабского естества далеко не освободился. Пусть его заслуги перед городом велики — совет дает ему *ornamenta decurionalia*, но в магистраты его не выберут, в городской совет не пустят. Общество свободнорожденных образованных людей для него закрыто — закрыто из-за уровня его культуры. В гостях у Трималхиона, кроме случайно забредших проходимцев, нет ни одного свободнорожденного⁷. И каким языком Понпей Габит, хозяин дома Менаандра в Помпеях, тонкий знаток искусства и литературы, будет разговаривать с человеком таких привычек и замашек, как Трималхион? Отпущенник с горечью сознавал свою неполноценность и глушил эту горечь как мог и как умел: роскошью повседневного быта, наивной переменой имени: Циннам становился Цинной (Mart., VI, 17), Пасикл — Пансой (Suet., De gramm. 18). Несомненно, впрочем, что степень этой горечи была разной: Моним, «полезный городу» (CIL, XIV, 2466), или Сильвестр Витразий, «благодетельствовавший городу сверх своих средств» (CIL, X, 4643), возможно, и тосковали о том, что им никогда не стать декурionsами, но основная масса отпущенников, все эти маляры и каменотесы, и в мыслях не залетали так высоко. Они ограничивались тем, что давали сыну чисто римское *congnomen* и на нем сосредоточивали все свои честолюбивые помыслы, так как законных запретов и ограничений для сына отпущенника уже нет. Отец, однако, понимает, что настоящий успех в жизни будет обеспечен юноше только в том случае, если он получит образование: только оно откроет ему широкую дорогу. И он прилагает все силы, чтобы мальчик это образование получил. Эхион, хозяин мастерской, где изготавливают лоскутные одеяла, внушает

⁷ Петроний, впрочем, мог, сознательно сгустив краски, представить только несмешанное общество отпущенников. У Марциала за столом богатого отпущенника сидят свободные люди (III, 82; X, 27).

сыну: «Чему ни учишься, — для себя учишься. Посмотри на адвоката Филерота: не учишь он, куска хлеба у него не было бы. Совсем ведь недавно таскал на своей спине товары для продажи, а сейчас дерет нос перед самим Норбаном [местный магистрат]. Образование — это сокровище» (Petr., 46). Старика Горация не удовлетворяла школа грамматика в захолустной Венузии, и он отвез сына в Рим к Орбилию, который принадлежал к лучшим учителям тогдашнего Рима (Hor., Sat. I, 6, 72—78). Сыну отпущенника, получившему высшее образование (т. е. окончившему риторскую школу), если он способен и энергичен, открыта любая дорога: в армию, на государственную службу, в городской совет родного города. Открыт и круг культурного римского общества. Чувствует ли себя этот юноша, полноправный римский гражданин, италийцем? Воплотилась ли в нем мечта отца стать своим среди своих?

На этот вопрос естественно ответить другим: а кем он может себя чувствовать? Он родился в Италии, это его родина, другой он не знает. Гетто для отпущенников нет; они живут среди местного населения, вкраплены в него. Италийский пейзаж, облик города, в котором мальчик растет, с его форумом, храмами, статуями — это его первые детские впечатления, те впечатления, которые навсегда врезаются в душу и во многом определяют ее будущую настроенность. Он окончил школу грамматика и ритора, т. е. вырос на латинской литературе и римской истории — они для него на всю жизнь свои. Рядом с ним сидели сыновья первых людей города: римская школа никогда не была сословной. Могла завязаться та школьная дружба, которую Квинтилиан считал самой прочной (I, 2, 20). Отец его разбирал только надписи на камнях и считал Ганнибала участником Троянской войны (Petr., 50 и 58); сын получил то же образование, что и сын любого всадника и сенатора; в беседе молодых людей, занятых распутыванием сложных филологических вопросов (Gell., 18, 2), он мог быть участником наравне со всеми. С этими людьми в Италию входила новая свежая сила. Благодетельная ли?

Западные ученые ответили отрицательно. Тенни Франк объясняет рабление и трусость римских сенаторов, столь красочно изображенные Тацитом, тем, что они, потомки рабов, сохранили как наследственные ничем не вытравляемые черты рабскую угодливость и низость. Потомки старых аристократических родов тщетно взывали о возвращении к идеалам предков, к законности и порядку. Им оставался выбор: или слиться с этой низкой толпой, или покончить самоубийством. В снижении морального уровня римского общества виновны потомки рабов, гостеприимно принятые в это общество⁸. Дефф вторит ему: «Отпущенники и их потомки погубили Рим»⁹. Мери Гордон, написавшая превосходное исследование о роли сыновей отпущенников в муниципальной жизни¹⁰, заканчивает свою статью следующим выводом: «Сын удачливого отпущенника, который в силу своего богатства стал декурioniом, получил обычное для высших классов образование, вступал в испорченное общество и получал в наследство плохие традиции муниципальной жизни». Оказывается, не потомки рабов развращали римское общество, а наоборот, они испортились под влиянием развращенного общества.

Не строятся ли эти выводы на положениях, требующих проверки? Если даже допустить, что все римское общество, за малым исключением, было скопищем людей низких и развращенных, то ведь Рим далеко не

⁸ T. Frank, *Race Mixture in the Roman Empire*, «The American Historical Review», 24, 1916, стр. 689—708 (особенно стр. 706).

⁹ A. M. Duff, *Freedmen in the Early Roman Empire*, Oxf., 1928, стр. 207.

¹⁰ Mary Gordon, *The Freedmen's Son in Municipal Life*, JRS, 21, 1931, стр. 65—77.

вся Италия. Тацит (Ann. III, 55) проводил резкую границу между нравами итальянских муниципий и Рима. Ни один историк не станет характеризовать русское общество второй половины прошлого века, ссылаясь на салон княгини Бетси Тверской. И так ли была высока нравственная настроенность римской аристократии уже в I в. до н. э.? Источники наши (в первую очередь речи и письма Цицерона) заставляют в этом усомниться. Взывал ли римский сенат о возвращении «к законности и порядку» во время Сулловых проскрипций, которые были вопиющим нарушением законности? А в то время среди сенаторов не было ни одного потомка рабов. Где данные, позволяющие обвинять в низости римского сената именно этих потомков? Скорее уж права М. Гордон, говоря о развращающем влиянии римского общества на отпущенника; отпущенник, упрочив свое положение и разбогатев после долгих, трудовых и тревожных лет, «складывал руки» (Pet., 76) и начинал новый, спокойный и праздный период своей жизни, беря за образец жизнь той богатой и бездельной аристократии, которая в течение долгого периода была для него предметом жгучей зависти¹¹.

Но с мнением М. Гордон о «плохих традициях муниципальной жизни» вряд ли можно согласиться. Плохи ли традиции, повинаясь которым магистрат, потомок старой городской аристократии, служил родному городу и своими силами, и своими средствами? Почему сын отпущенника, став декурионом, должен был повести себя вразрез с этой традицией? корпоративный дух — сила большая. Почему поведение отца, много сделавшего для города, не было для него примером? Во всяком случае, чтобы утверждать противное, надо располагать конкретными фактами, а их у нас нет.

Что ремесленная деятельность почти целиком сосредоточилась в руках отпущенника, это установлено уже давно. Прелестные светильники, удобная и красивая мебель, серебряная посуда художественной работы выходили из мастерских этих Гиларов и Зосимов. Не меньшей была работа отпущенника и в области сельского хозяйства, особенно виноградарства, садоводства и животноводства. Заброшенный виноградник, порученный заботам уже упоминавшегося Ацилия Сфенела, «превратился в совершенное чудо» по своей урожайности (Plin., HN, XIV, 48, 49). Опытным виноградарем и садовником был и Ветулен Эгиал (там же; Seneca, Ep., 86, 14—20). Отпущенник Терей вывел превосходный сорт съедобных каштанов (Plin., HN, XVII, 122), Сцептий — особый сорт красивых круглых яблок (там же, XV, 50). Плиний называет десятки сортов яблок и груш (там же, § 49—57). Выведены они были, конечно, не хозяевами садов, а их садовниками, опытными садоводами — рабами, т. е. потенциальными отпущенниками, которыми они, вероятно, и становились за свои заслуги. Они забавляли своих хозяев, превращая какое-нибудь дерево в своеобразную вывеску всех садовых плодов: на разных его ветвях росли и груши, и разные яблоки, и винные ягоды, и гранаты, и орехи (там же, XVII, 120), но они же сумели добиться и того, что хозяин с одного дерева получал доход около 2000 сестерциев (там же, § 8). Опытные рабники и зоркие наблюдатели, люди смелой и творческой мысли, они создали тот итальянский пейзаж, который дал Варрону (R. r. I, 2, 6) право назвать Италию сплошным фруктовым садом и зарисовку которого оставил Колумелла: возделанное поле, в разных местах которого посажены плодовые деревья (VII, 9, 8).

Не менее важной была и работа отпущенника в итальянском животноводстве. Его обычно назначали на должность старшего пастуха (magister

¹¹ Вейн (P. Veyne, Vie de Trimalcion, «Annales», XVI (1961), стр. 213—247) правильно отметил это обстоятельство.

ресорис), но пастухом в прямом смысле этого слова он вовсе не был. Варрон рассказал о тысячных овечьих отарах, ежегодно переходивших с зимних пастбищ в Апулии или Калабрии на горные летние и обратно. Старший пастух такого стада обязан заботиться о целой отаре, он должен снабдить и стадо, и пастухов всем, что понадобится в пути и по приходе на место; он следит за всей жизнью стада, за воспитанием молодняка; ведет учет доходов и расходам. Он поддерживает порядок и дисциплину среди подчиненных ему пастухов; следит за здоровьем людей и животных: он и лекарь и ветеринар.

В древней Италии были прекрасные породы домашних животных: апулийские и розейские лошади (Varr., R. r. II, 7, 6), реатинские ослы (там же, 2, 6), апулийские овцы (Strabo, V, 284; Plin., HN, VIII, 190; Mart., XIV, 155). Можно не сомневаться, что выведение этих пород было делом не хозяев стад, а старших пастухов, которые годами наблюдали за животными, знали их особенности, умело скрещивали отобранные экземпляры.

Когда от надписей и латинских агрономов, из атмосферы тихого созидательного труда переходишь к цитированным выше западным работам об отпущенниках, к рассуждениям о губительном смещении рас и вредном влиянии отпущенников, испытываешь и недоумение и обиду. Шиллер назвал историю судом. Суд обязан, установив действительные факты, воздать каждому из представших пред ним, по его делам. И отпущенникам — работникам и созидателям — суд этот, не отуманенный расистским бредом, должен воздать справедливую дань уважительного признания их заслуг перед их второй родиной — Италией.

М. Е. Сергеевко

ITALIAN CITY-DWELLERS IN THE FIRST CENTURY A. D.

М. Ye. Sergeyenko

Two social groups are considered from the standpoint of their attitude towards the city: the municipal nobility and the freedmen. The municipal nobility was attached to its city by family traditions, the freedmen — an industrious and creative group — by their strong desire to strike root in Italian soil. The author does not agree with those who characterise municipal life as «bad» and the role of the freedmen as pernicious.

ИЗ ИСТОРИИ АНТИКОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

(Жизнь и деятельность О. М. Штакельберга)

В научной литературе, посвященной деятельности археологов разных стран Европы в первой трети XIX в., нередко отмечается, что ученые из России не принимали участия в раскопках непосредственно на земле Греции. «До сего времени мы вовсе не разделяли славы открытий и исследований, сделанных европейскими путешественниками в классических странах Греции», пишет автор известия о путешествии В. Давыдова на Афонскую гору и к развалинам Трои¹. «Своих ученых она (Россия. — А. Б.) не высылала в Грецию...», говорит о том периоде А. Павловский².

¹ Путешествие русского по Греции, ЖМНП, 1836, ч. 9, раздел «Разные известия», стр. 697.

² А. Павловский, Значение и успехи классической археологии, «Записки Новороссийского университета», т. 57, ч. III, 1892, стр. 16.